

ТЕМА СМЕРТИ В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

В любом рассказе или повести А. Платонова, как и в романе «Чевенгур», особое место занимает тема смерти, сгорания, старения, увядания, «необорудованности жизни». Безысходность человеческого бытия постоянно приводит в произведениях Платонова к могиле, яме, оврагу, к концу, бесконечно и многообразно подчеркивается автором символика живого и неживого тела, природы, растения, животного: «...корова смотрела вбок на мальчика и молчала, жуя давно иссохшую, замученную смертью былинку» (рассказ «Корова»); «...цветы, казавшиеся задумчивыми от своей замедленной смерти, стояли через каждые полметра, и от них исходило посмертное благоухание» («Скрипка»); «...дорога заросла сухими, обветшалыми от пыли травами» («Чевенгур»). И так обо всем от дома, механизма – таких тонких вещей, как звуки, краски, запахи и слова.

Вместе с тем, гибель, смерть, не-бытие в творчестве А. Платонова – это разновидность жизни. Уже погребенные покойники думают, ждут освобождения из могильного плена, мечтают о Втором Пришествии, приходят в жизнь живых, в виде снов и видений вмешиваются в судьбы родных и близких, на их покровительство и за-

щиту надеются оставшиеся в живых. Так, маленький Саша спокойно засыпает рядом с могилой отца на кладбище, Роза Люксембург постоянно грезится Степану Копенкину, не раз является во сне Саше Дванову отец, как о живой вспоминает о своей давно умершей матери Захар Павлович.

Кроме того, неживые предметы обладают у А.Платонова свойством, которое оказывается недоступным людям – высокой степенью сопричастности к окружающему их живому миру. Таким бесценным качеством в народной антропологии обладает душа – бессмертная субстанция жизни, заключенная в теле человека и покидающая его в момент смерти. Она считается привилегией человека (иногда только христианина), реже признается наличие души у животных, еще реже – у растений (деревьев, злаков, цветов) и других природных объектов. Верования о душе имеют непосредственное отношение к народной демонологии, к представлениям о смерти, посмертном существовании и загробном мире.

Справедливо замечает М. Баршт, говоря о том, что само представление о «мертвом» А.Платонов перевернул кардинально, показав, что в мире нет ничего до конца мертвого, как нет ничего и абсолютно живого. «Человек после смерти уходит в землю (не только телом, но и духом, душой – своей живой энергетикой), а затем оттуда же и возрождается, выходит наверх. Земля таким образом оказывается одухотворенной, платоновское «вещество земли» перекликается с народными представлениями о «матери – сырой земле» [1. С.209].

В платоновском мире нет смерти как окончательного исчезновения, есть лишь перетекание энергии в вещество, пока что неподвластное человеку. Это устройство Вселенной, которое было выстрадано Платоновым как мыслителем, писателем, и легло в основу хронотопа всех его произведений. Оно основано на отсутствии феномена смерти человека, определяемого качеством «вещества существования».

Вместе с тем, живой человек у А. Платонова вычеркнут, отвергнут природой, он не приспособлен к жизни и просто доживает положенный срок, занимаясь бесполезными вещами. Один из персонажей романа «Чевенгур» – деревенский Левша, мастер на все руки Захар Павлович, который увлечен не созданием чего-то прекрасного, полезного, а занят бесперспективными, упадочными и

даже преступными делами. С одинаковым мастерством он может сработать любое изделие – от сковородки до будильника (правда, изделия эти – из дерева). Он умеет «лить волчью дробь», «штамповать поддельные медали», в зимние вечера он живет на остатки летнего заработка, «делает ненужные вещи», изначально «несовместимые» с жизнью, бесполезные уже в самом своем замысле: дирижабли из бумаги, «башни из проволоки», «корабли из кусков кровельного железа» [2. С.23]. Вместе с тем, не смотря на свои выдающиеся способности и высокую степень мастерства, он не создал «ни семьи, ни жилища», нет у него и какой-то высокой цели. А. Платонов, описывая своего героя, создает потрясающую метафору бесперспективности и несбыточности бытия: Захар Павлович был «занят устройством деревянных часов, думая, что они должны ходить без завода – от вращения земли», что приближает его творение к сказочным предметам: гусям-самогудам, ковру-самолету, скатерти-самобранке. Но если в народной сказке волшебные предметы помогали герою выйти из нелегких испытаний, преодолеть опасные для жизни преграды, то «дело» Захара Павловича не приносит никакой пользы ни ему самому, ни окружающим, он только бездумно копирует обступающий его мир.

Настроением упадка, страшной усталости бытия пронизана вся окружающая героев атмосфера, живая и неживая природа: тишина в селах стоит «бездетная», звезды падают с неба «усталые», соскучился от бесполезности жизни человек. Тронута увяданием и природа, в которую приходят и из которой уходят в небытие люди: здесь часто случаются неурожаи, регулярно повторяется засуха. Единственные островки природы - лесные поляны, где хорошо «вызревают травы, овощ и хлеб» могут быть «моментально расхищены», уничтожены потоками «жадных странников» [2. С.24]. Однако и эти островки цивилизованной жизни, скорее, исключение, чем правило. Человек здесь не созидатель, не строитель: в очередную засуху «...деревня заперла свои хаты», разделилась на отряды, один из которых – пошел побираться, некоторые жители «повернули в лес... стали есть сырую траву, глину и ...одичали», не повезло и тем, кто отправился на заработки в ближайший город Луганск – не найдя работы, люди «сделались попрошайками» [2. С.24].

Самое страшное, что может произойти с семьей, с человеком – случается в пространстве романа Платонова просто и обыденно: словно предвидя неурожай, предчувствуя безнадежность грядущей

жизни, дети – будущее всего живого – «сами заранее умерли» [2. С.24]. Даже исцеление может в этом мире принести смерть: старуха Игнатевна «лечила» от голода малолетних детей, давая им отравленную настойку, выпив которой, дети мирно затихали. Но за эти короткие мгновения своей жизни ребенок успевал состариться, словно он все-таки «проживал» отведенную ему жизнь. Платонов почти поэтизирует смерть: преставившийся малыш «лучше живого лежит» и, конечно же, душа его в раю – слушает «серебряные ветры» [2. С.24] – фольклорное воплощение лучшей небесной доли, облегчение от тягот земной неустроенной жизни.

Мир ветхих, отживших свое предметов, умирающих вещей проходит через все пространство романа, а безлюдье, запустение, тлен и одиночество – постоянный лейтмотив произведения. В романе А. Платонова «Чевенгур» на мир смотрит человек, мучительно раненный смертью: «Созерцая озеро годами, рыбак думал все об одном и том же – об интересе смерти» [2. С.27]. В конце концов он добровольно отправляется в воду, чтобы разгадать тайну этого загадочного явления. Непостижимость перехода от чуда живой жизни к бездыханности притягивает, почти завораживает автора, заставляет его бесконечно представлять мгновение перехода от жизни к смерти и животных, и людей. Этим, конечно, загадка не решается, но настойчиво призывает читателя к размышлению.

В человеческом мире А. Платонова и рождение, и смерть воспринимаются как само собой разумеющееся, как некая данность. Не вызывают удивления даже странные «показатели» плодовитости женщин – семнадцать, а то и двадцати детям могла дать жизнь крестьянка. Однако самое прекрасное событие в жизни – рождение ребенка – выглядит у А. Платонова как отвратительный и позорный акт. В описании ложа роженицы автор искаженно реалистичен. Он показывает роды глазами мальчика-приемыша, который, осознав свершившееся, «постарел на глазах». Ребенок видит обнаженную ногу приемной матери «в морщинах старости, ...желтые пятна каких-то омертвелых страданий и синие толстые жилы с ооченевшей кровью» [2. С.40]. Мальчика поражает уродливая картина измученной родами женщины, он слышит идущий от ее постели отталкивающий «запах говядины и сырости» [2. С.40].

Тема болезни, нездоровья, мучительной гибели в художественном пространстве романа А. Платонова касается не только живых

существ. но и неживой природы. Так, умирает в романе река, ширясь болотами, насекомые замерли в щелях «омертвелой осоки», весь мир природы – слабый и затухающий, «наклонившийся» [2. С.103]. Сам город Чевенгур окружен «мертвой долготой пространства» [2. С.334], где пропадает даже свет, а мгла висит в «тихом бреду» [2. С.205]. Конечность бытия переносится и на атмосферные явления: «туманы ...погибали» [2. С.205], «ручей гноился», а грядущая зима была предвестницей новых смертельных несчастий. Вместе с тем, неживые звезды до поры до времени оставались живыми, но там, в высоте, им не хватало дыхания и они падали вниз.

В бедственном положении оказывается и «съездившаяся» заброшенная хатка на отшибе села. Внутри было пусто, да и возникла она в результате «жизненной катастрофы». Как пишет автор, «...видно, кто-то наспех женился, поругался с отцом и выселился» [2. С.32]. Но и здесь, в этом забытом Богом, развалившемся жилье, проглядывает очередная картина несуразницы жизни: через трубу осиротевшего дома пророс подсолнух. вылез наружу и уже «склонился на восход солнца зреющей головой» [2. С.32].

Глеч, смерть, умирание пронизывают все живое и неживое в романе. Поразительно, что увядшей травой пахли и волосы понравившейся Саше Дванову девушки, полной жизненной силы. Таким же представляет революционер Степан Копенкин запах волос любимой им покойной Розы Люксембург. Любопытно, что в народной славянской традиции способность издавать запахи приписывается не жизни, а смерти, поэтому особый запах появляется у пожилых людей. Считается, что они, в отличие от молодых, пахнут сеном, ладаном, то есть пахнущие увядшей травой волосы еще живой Сони Мандровой – символ обреченности ее молодой жизни.

В своем романе А. Платонов рисует и потрясающее зрелище жизни и смерти одновременно: обезлюдившая, одичавшая природа, оставшаяся без попечения человека, словно пытаясь быть похожей на прошлый «правильный» мир, в результате рождает пейзаж, непостижимый человеческому разуму: от безлюдья зацвели плетни, некоторые колья и хворостины принялись и обещали стать рощей. Хлеб на полях давно умер, а на соломенных крышах заброшенных изб зеленели рожь, овес, просо: «они... принялись из зерен в соломенных покрытиях» [2. С.30]. Следует этому страшному примеру и неживая природа, приобретая свойства живой, действуя по

ее законам: кресты на могилах священников – погибли, а сорная трава проросла по стенам святого места – церкви.

Природа в романе А. Платонова не приспособлена для жизни человека, так как он не знает как обеспечить свое существование, обреченное на умирание, она отторгает человека, изгоняет из своего лона, не дает ему ни пищи, ни тепла, она живет своей непрекращающейся, полной смысла жизнью. Существование человека ничемно и бессмысленно, ему «далеко до умельца-муравья» [2. С.32].

Герои Платонова постоянно готовы к смерти, думают о ней, дожидаясь Второго Пришествия. Мотив «научного» воскрешения проходит через все творчество писателя, вплоть до военных и поздних детских рассказов, много места уделяется ему и в «Чевенгуре». Жизнь земная представляется платоновскому человеку бесприютной, жестокой и бессмысленной, поэтому не помечтать о воскрешении в далекие, лучшие времена, чтобы пожить обыкновенной, без страхов и ненависти, человеческой жизнью, невозможно.

Однако есть у Платонова герои, которые думают о смерти, не помышляя о воскрешении. В Чевенгуре собираются только те, у кого нет ни двора, ни кола, – нищета и голь. История для них кончилась, время остановилось, осталось вокруг одно пустое пространство, которое просочилось в их души. Жизнь стала томительной и невыносимой. Они помышляют уже не о вечной жизни и не о воскрешении после смерти, а о полном и безвозвратном окончании собственного существования, внутренне они умерли еще до того, как казачий отряд порубал их шашками.

Кроме того, многих персонажей Платонова преследует мысль о самоубийстве. Ею буквально бредит проектировщик «общепролетарского дома» Грушевский. Пыталась покончить с собой и Соня Мандрова, ищет смерти Сербинов, добровольно входит в мертвые воды озера отец Саши, да и сам Саша Дванов кончает жизнь самоубийством. Для героев А. Платонова смерть означает невидимый аспект жизни, она в их представлении предшествует духовному возрождению и является заменой одного способа существования на другой, воссоединением тела с землей, а души – с духом.

Герои Платонова совсем не боятся смерти: в жуткой сцене расстрела чевенгурских буржуев люди в свой последний час не испытывают чувства страха; не тревожится по поводу предстоящей своей казни взятый в плен бандитами Саша Дванов, спокойно засы-

пая на сеновале; без волнения умирает бобыль; не боится наступления конца жизни Захар Павлович. Сербинов как о чем-то обыденном сообщает Соне, что его мать «вчера закопали» [2. С.374]. Люди воспринимают переход из жизни в небытие, в не-жизнь совершенно спокойно, буднично, как некий переход от бодрствования ко сну, она никогда не вызывает ужаса непоправимости, а выглядит как нечто само собой разумеющееся – «только и делов» [2. С.69]. Возникает ощущение, что герои Платонова воспринимают смерть как детскую игру, где можно умереть не до конца, не насовсем, «понарошку», полагая, что окончательной смерти нет вообще и в любой момент небесный ведущий этой игры скажет волшебное, оживляющее слово – «отомри».

Многие герои Платонова полагают, что «целое» тело не может совсем умереть. Не верит смерти и Чепурный, когда пытается оживить умершего в Чевенгуре ребенка: «Если б он уже заledenел, либо его черви тронули, а то лежит горячий ребенок, – он еще внутри весь живой, только снаружи помер» [2. С.309]. То есть жизнь там, внутри этого ребенка осталась, никуда не ушла, нужно только как-то магически воздействовать на нее, суметь «запустить» снова этот механизм человеческой жизни, произойдет чудесное оживление и все встанет на свои места. Таким образом, по мнению героев Платонова, жизнь из целого тела совсем не уходит, границы между живым и мертвым не существует. Как справедливо отмечает исследователь М. Баршт, «...согласно этой логике, человек имеет два экзистенциальных состояния: временное и постоянное, вечное. Временное – это его биологическая жизнь, «существование» в обыденном смысле этого слова. То, что мы называем словом «мертвый», для Платонова буквально «мертвым» вовсе не является, это лишь другая, малопонятная и потому отрицаемая нами форма жизни. Более того – это и есть вечное состояние человека, лишь на краткий миг прерывающееся биологическим «тлением», которое актуализируется нами как единственное его бытие» [1. С.263]. Для оставшихся, остающихся еще в живых, важно, чтобы тело сохранялось целым или хоть что-то от него оставалось как гарантия того, что после Второго Пришествия останки обретут новую жизнь и человек будет существовать вечно...

Тема смерти приобретает в прозе Андрея Платонова двойственный характер: с одной стороны он рисует смерть, уныние, увяда-

ние бессмысленной жизни, а с другой – жизнь, вечно возрождающееся бытие, призванное наполнить великим непостижимым смыслом Космос человеческого бытия.

Литература:

1. Баршт К.А. Поэтика прозы Платонова. – СПб., 2000.
2. Платонов А.П. Чевенгур. – М., 1988.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова